

---

## Смоленская духовная семинарія въ воспоминаніяхъ ея питомцевъ.

Въ издаваемомъ при Ревельской классической гимназіи ежемѣсячномъ журналѣ „гимназія“ въ 8—9 квижкѣ за 1890 годъ помѣщена статья бывшаго питомца нашей духовной семинаріи А. Борисоглѣбскаго <sup>1)</sup> подъ заглавіемъ: „изъ жизни стараго педагога“. Въ статьѣ этой мы, между прочимъ, встрѣтили воспоминанія о жизни Смоленской семинаріи за 1845—51 годы семинарскаго обученія автора. Воспоминанія касаются учебнаго и воспитательнаго строя

---

<sup>1)</sup> А. Борисоглѣбскій—очевидно псевдонимъ. Подъ нимъ мы имѣемъ полное основаніе разумѣть А. Г. Филонова, бывшаго директора одной, если не ошибаемся, изъ С.-Петербургскихъ классическихъ гимназій, извѣстнаго автора распространеннѣйшей четырехтомной хрестоматіи по русской словесности и не менѣе распространеннаго учебника по теоріи словесности, а также автора многихъ журнальных статей по исторіи русской словесности.

жизни въ дореформенной семинаріи, ея преподавателей, изъ которыхъ нѣкоторые и доселѣ здравствуютъ, ученической жизни съ ея горемъ и радостію, съ ея страшною бѣдностію и несложными, но искренними удовольствіями etc. Думается, что читатели наши (а среди нихъ, вѣроятно, найдется не мало товарищей по семинаріи автора воспоминаній) не посѣтуютъ на насъ, если мы сдѣлаемъ небольшой экстрактъ изъ воспоминаній стараго педагога, а также изъ воспоминаній другаго старѣйшаго питомца Смоленской семинаріи Н. Мурзакевича.

Въ 40-хъ годахъ Смоленская семинарія дѣлилась на три отдѣленія: низшее (словесность), среднее (философія) <sup>2)</sup> и высшее (богословіе). Словесники не имѣли права праздновать никакого святаго, специально усвоеннаго имъ классу, а философы праздновали св. Іустину философу, богословы — св. Іоанну Богослову. Въ дни этихъ святыхъ философы и богословы не учились, а ходили въ церковь, учившіи общую складчину и подносили профессорамъ (такъ назывались тогда всѣ преподаватели семинаріи) сладкіе пироги. Въ системѣ преподаванія главное и серьезное вниманіе обращалось на составленіе сочиненій или, по тогдашней терминологіи, „задачекъ“. Въ „Словесности“ задачи писались еженедѣльно (писали разнаго рода періоды и хриіи), въ „Философіи“ — разъ въ двѣ недѣли (писали разсужденія, а во второмъ полугодіи и проповѣди), въ „Богословіи“ — разъ въ мѣсяцъ. Сверхъ того каждый ученикъ богословія два раза въ годъ долженъ былъ написать „слово“. „Слово“, говоритъ Борисоглѣбскій, писалось по „расположенію“, т. е. по плану, напередъ составленному. Прежде „слова“ мы непремѣн-

---

<sup>2)</sup> Ученики этого отдѣленія для краткости называли себя: я — ученикъ философіи.

но писали „расположеніе“ слова; это „расположеніе“ представляли на предварительный пересмотръ профессора и затѣмъ уже, по одобреніи „расположенія“ составляли по нему слово“.

Лучшія сочиненія, по разсмотрѣніи ихъ профессоромъ и ректоромъ, читались авторами на такъ называемыхъ „собраніяхъ“ въ присутствіи учениковъ, профессоровъ и ректора. Это была прекрасная образовательная мѣра для пробужденія писательскаго соревнованія между учениками, весьма желательная и въ настоящее время. „На такихъ-то собраніяхъ, воспоминаетъ Борисоглѣбскій, ученикъ богословскаго класса Иванъ Сошинъ читалъ огромныя свои сочиненія о вѣрѣ (около часу читалъ). Я дивился, какъ онъ успѣлъ написать такое множество листовъ. На такихъ-то собраніяхъ,—а читать на нихъ мы рвались всѣ,—ученикъ философскаго класса, даровитый (необыкновенно) Иванъ Кулюгинъ читалъ превосходное философское разсужденіе о способностяхъ души,—разсужденіе, о которомъ гремѣла слава по всей семинаріи. Отличныя способности этого ученика уважалъ всѣ профессоры...

Послѣ сочиненій особенное вниманіе обращалось на изученіе Священнаго Писанія. Распределеніе учебнаго матеріала по классамъ и методъ преподаванія практиковались тѣ же, что и въ современной намъ семинаріи. Затѣмъ, въ порядкѣ важности, третье мѣсто занимали философскіе предметы и, наконецъ, древніе языки. Изъ нихъ греческій языкъ изучался всѣ шесть лѣтъ семинарскаго образованія, а латинскій—пять. Переводились тексты духовнаго содержанія. Вопреки свидѣтельству другихъ писателей <sup>3)</sup>, о состояніи

<sup>3)</sup> Свидѣтельства объ этомъ, относящіяся, правда, къ нѣскольکو раннѣйшему времени, см. напр., въ Журн. М. Нар. Пр. 1889 г. Часть ССLXI (статья „Древніе языки въ нашихъ гимназіяхъ предъ авторитетомъ митрополита иерега“), въ журт. Гимназія 1889 г. январь (статья „Русскіе педагога.

языкознанія въ семинаріяхъ того времени Бориссоглѣбскій говоритъ, что въ его время къ древнимъ языкамъ многіе относились съ небрежностію, оставаясь во все время семинарскаго образованія съ тѣми филологическими познаніями, какія они выносили изъ духовныхъ училищъ. Самъ авторъ, будучи уже въ богословіи, получилъ сильное порицаніе отъ профессора Христофора Ивановича Бѣальбуцкова за слѣдующій переводъ фразы „одни лучше, а другіе лучше“:— „*alli bonius, alteri malius*“.

„Преподавались въ семинаріи, говоритъ авторъ, и свѣтскіе предметы: алгебра, геометрія, сельское хозяйство, физика, начала медицины, но эти предметы слабо шли, хотя были нерѣдко хорошіе профессора. Такъ, алгебру и геометрію преподавалъ мастеръ своего дѣла Михаилъ Григорьевичъ Корчевскій. Онъ разжевывалъ свой предметъ такъ, что ребенокъ могъ понять. Но семинаристы, уже по преданію, переходившему изъ рода въ родъ, не учились ни алгебрѣ ни геометріи, не смотря на все искусство и стараніе преподавателя, одного изъ образованныхъ нашихъ профессоръ. Бывало Михаилъ Григорьевичъ закатитъ всему классу множество нулей, бывало поставитъ полкласса на колѣни, — бывало запишетъ почти весь классъ въ журналъ, — ничего не помогаетъ. Мы пребывали постыдно равнодушны. И хороши успѣвали очень немногіе.

Сельское хозяйство въ „Словесности“ преподавалъ Василій Никифоровичъ Каченовскій <sup>4)</sup>, воспитанникъ Горьгорьскаго института. Онъ излагалъ намъ, въ родѣ введенія въ свою науку, минералогію, ботанику, зоологію. Читалъ про

---

Гогоцкій. Сязвестрь Сильн., профес. Кіевской д. Академіи и УУниверситети св. Владимира»), въ книгѣ Гялярова-Платонова «Изъ пережитого» (Часть 1-я Стр. 312—313) и у друг.

<sup>4)</sup> Нынѣ здравствующій.

сто, ясно и кратко. Многія опредѣленія его я до сихъ поръ помню. Мы занимались неохотно наукою Василя Никитича, наивно думая, что она намъ, будущимъ пастырямъ церкви, не нужна. Нашъ учитель и не прибѣгалъ ни къ какимъ мѣрамъ побужденія заниматься его предметомъ. Онъ дѣлалъ свое дѣло по мѣрѣ своего знанія и способностей. Начала медицины преподавалъ въ богословскомъ классѣ докторъ нашъ семинарскій Забѣлло, инспекторъ врачебной управы. У насъ была книжка „Общепринятая Медицина“, соч. Хотинскаго. Докторъ читалъ по книгѣ тотъ или другой параграфъ, а затѣмъ тоже самое разъяснялъ со многими дополненіями, очень любопытными, извлеченными имъ изъ своего опыта. Былъ у насъ въ классѣ шкафъ, гдѣ хранился нарисованный на листахъ скелетъ человѣка и разныя части его тѣла. Докторъ Забѣлло напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы насъ захотѣть своею наукою: онъ приносилъ съ собою разные медицинскіе инструменты, училъ насъ прививать оспу, объяснялъ, какъ важно это благотѣльное занятіе для сельскаго пастыря, но мы и послѣ этого были не усердны. Урокъ медицины, на который собирались оба отдѣленія богословскаго класса, рѣдко проходилъ въ тишинѣ и порядкѣ. Но Забѣлло былъ докторъ — педагогъ. Лѣнница, приходившаго къ нему въ больницу, онъ сейчасъ узнавалъ и направлялъ въ классъ.

Преподаваніе почти всѣхъ предметовъ семинарскаго образованія кончечною цѣлю своею имѣло воспитаніе въ учащихся религіознаго знанія и чувства. Таими предметами, о которыхъ Священнаго Писанія, были: библейская исторія (соч. Иларета), церковная исторія (сочин. Иннокентія Пензенскаго), богословіе (догматическое Автонія, пастырское Кирилла), исповѣданіе вѣры (Петра Могила), исторія русской

церкви (Муравьева), гомилетика (Амфитеатрова) и герменевтики (по запискамъ профессора).

Развитію и укрѣпленію въ ученикахъ религіознаго чувства не мало содѣйствовало прекрасное пѣніе семинарскаго хора, доведенное до замѣчательной степени совершенства особенно о. ректоромъ Іосифомъ. Послѣдній самъ училъ пѣвшихъ въ своихъ кельяхъ, самъ выступалъ и на клиросѣ въ качествѣ регента. При немъ архіерейскій хоръ былъ за бытъ, и весь Смоленскъ приходилъ въ Аврашіевскій монастырь слушать прекрасное пѣніе излюбленнаго хора о. ректора, особенно—чудное пѣніе концертовъ.

Классное пѣніе не исключало и общаго пѣнія. Такъ, при томъ же ректорѣ семинаристы, стоя за всеобщую (по среди церкви, всѣ пѣли: „Богородиченъ“, „Нынѣ отпущаеши“, иногда „Великое славословіе“, за обѣдней пѣли „Вѣрую“ и „Отче нашъ“. За всеобщую одинъ изъ учениковъ, богослововъ, по назначенію ректора обыкновенно читалъ написанное самимъ ученикомъ по „четьямъ—минеямъ“ житіе празднуемаго святаго. Великимъ постомъ семинаристы обязывались ректоромъ Іосифомъ ходить на воскресныя вечерни.

Цѣли религіознаго воспитанія ни на минуту не упускались и при классныхъ занятіяхъ. Каждый урокъ начинался и оканчивался молитвою. Предъ урокомъ очереднымъ ученикомъ читалось по одной главѣ изъ библіи. И уже послѣ этого начинались собственно классныя занятія.

*М. Дроздовъ.*

(Продолженіе будетъ).

---

продолжавшаяся часа два. При добрыхъ благопожеланіяхъ другъ другу, мы разлучились съ старовѣрами.

(Продолженіе будетъ).

## Смоленская духовная семинарія въ воспоминаніяхъ ея питомцевъ.

(Продолженіе \*).

О всѣхъ почти преподавателяхъ своихъ Борисоглабскій вспоминаетъ съ искреннимъ чувствомъ уваженія и сердечною благодарностію. „Я до сихъ поръ, пишетъ онъ, помню ихъ имена, отчества и фамиліи. Въ „Словесности“ славился Чекалинъ, приучавшій семинаристовъ писать просто и кратко; Михаилъ Григорьевичъ Корчевскій <sup>1)</sup>, изъ силъ выбивавшійся изъ за своей алгебры и превосходно преподававшій Священное Писаніе. Я до сихъ поръ помню его толкованіе псалма „помилуй мя, Боже, по величій милости Твоей“ и до сихъ поръ, при случаѣ, именно словами Михаила Григорьевича объясню смыслъ псалма пятидесятаго. Въ философскомъ классѣ преподавалъ Дмитрій Кузьмичъ Куницынъ <sup>2)</sup>; онъ хорошо зналъ философію, умѣлъ говорить и объяснять. Въ другомъ философскомъ классѣ былъ у насъ нѣкоторое время, свѣтило ума и знанія — Василій Ивановичъ Добротворскій. Онъ преподавалъ психологію; рѣчь его лилась рѣкой; ясность изложенія была изумительная. Этотъ чудный наставникъ скоро отъ насъ былъ переведенъ бакалавромъ въ Кіевскую д. академію <sup>3)</sup>. Въ богословскомъ

\* См. № 23 Смол. Епарх. Вѣд.

<sup>1)</sup> О немъ упоминалось выше.

<sup>2)</sup> Нынѣ здравствующій.

<sup>3)</sup> Въ настоящее время В. И. Добротворскій въ санѣ протоіерея состоитъ профессоромъ богословія въ Харьковскомъ университетѣ.

власѣ преподавали богословіе отецъ Павелъ, весьма красно-  
рѣчивый наставникъ, и отецъ Дмитрій съ ученымъ на-  
правленіемъ и знатокъ богословія.

Но замѣчательнымъ духовнымъ педагогомъ, нѣмъ еще  
не воспѣтымъ по достоинству, Борисоглѣбскій называетъ  
нынѣ умершаго ректора, архимандрита Іосифа Позднышева.  
Въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ ученомъ мужѣ гово-  
ритъ онъ, между прочимъ, такъ: „При первомъ вступленіи  
своемъ на должность ректора, арх. Іосифъ заявилъ, что его пра-  
вило воздавать всегда *sum cuique*. И дѣйствительно, это пра-  
вило легло въ основаніе всей его почти шестидѣтилетней  
по управленію семинарію. Онъ былъ энергичнымъ админи-  
страторомъ, опытнымъ профессоромъ и мудрымъ воспитате-  
лемъ. Онъ внимательно рецензировалъ „записки“ профессоровъ  
по предметамъ ихъ преподаванія, посѣщалъ классы, слѣдилъ за  
профессорскими объясненіями, заставлялъ учениковъ повто-  
рять объясненное. На экзаменахъ былъ строгъ и внимате-  
ленъ, особенно по геометріи, въ которой онъ былъ силенъ.  
Любилъ также на экзаменахъ вступать въ пренія съ про-  
фессорами, особенно по философскимъ предметамъ, обнару-  
живая въ нихъ свои глубокія познанія. При этомъ, если  
ученый споръ затягивался надолго, и профессоръ упорно  
отстаивалъ свое мнѣніе, то ректоръ обыкновенно говорилъ  
своему оппоненту: „приходите ко мнѣ въ келью, тамъ до-  
кончимъ споръ“.

Какъ профессоръ, о. ректоръ Іосифъ отличался разумнымъ  
и толковымъ преподаваніемъ. Задачею преподаванія (онъ  
преподавалъ гомилетику по книгѣ Амфітеатрова) онъ полага-  
лъ — возбудить личную самостоятельность какъ въ дарови-  
тыхъ, такъ даже и въ малоспособныхъ ученикахъ. „Да ты  
подумай“, обыкновенно говаривалъ онъ малоспособному вос-

питавнику: „подумай, ну разсуди, ну, ну...“. Воспитанникъ нападаетъ на мысль. „Ну вотъ и ладно, ну и ладно, угадалъ“, скажетъ въ ободреніе ученика о. ректоръ. Огромное значеніе о. ректоръ придавалъ умѣнью хорошо составлять сочиненія. Темы для экзаменскихъ экспромптовъ онъ, обыкновенно, самъ назначалъ во всѣхъ классахъ. Въ „Риторикѣ“, напр., онъ давалъ такія темы: „плачь надшаго Петра“, „человѣкъ на землѣ — пловецъ на утломъ челнокѣ среди разъяреннаго океана“, „Сорванный увядшій цвѣтокъ“, „уединенная могила среди безлюдной степи“ и т. п. По своему предмету о. ректоръ „училъ насъ, говоритъ Борисоглѣбскій, самихъ составлять матеріалъ или, какъ онъ выражался, „ядро“ проповѣди; мы находили, руководимые вопросами нашего учителя, главную мысль проповѣди (на извѣстный текстъ), ея раздѣленіе и подробности каждой части. О. ректоръ нерѣдко читалъ намъ лучшія проповѣди современныхъ (дѣло было въ пятидесятихъ годахъ) проповѣдниковъ, напр., Филарета Московскаго, Анатолія Могилевскаго и др. Прочитаетъ часть проповѣди и сейчасъ же съ участіемъ нашимъ разбираетъ. Вообще у насъ слѣдили за современнымъ ораторскимъ духовнымъ краснорѣчіемъ, начиная съ „Словесности“. Я живо помню, какъ профессоръ риторики Василій Филипповичъ Поповъ читалъ намъ въ классѣ (1846 г.) во время урока поученіе Родіона Путятина о страшномъ судѣ, въ примѣръ простого слога. Въ философскомъ классѣ въ 1848 г. профессоръ церковной исторіи, Александръ Егоровичъ Позднышевъ (братъ о. ректора Іосифа) читалъ прекрасную проповѣдь Евсевія Могилевскаго на текстъ „постави Господи законоположителя надъ нимъ“. Мы съ большимъ вниманіемъ слушали чтеніе профессора (онъ умѣлъ читать)“.

При томъ же ректоръ Іосифъ и всѣ духовныя училища

Смоленской губерніи \*) зажили новою учебно-воспитательною жизнью. Учебный персонал училищный обновился новыми преподавателями, избранными о. ректора. При ревизіи училищ ректоръ-ревизоръ былъ строгъ. Какъ самъ отличный знатокъ пѣнія, авторъ почти всего церковнаго круга для пѣнія, арх. Іосифъ и въ училищахъ превосходно поставилъ дѣло пѣнія.

Стойкимъ начальникомъ показалъ себя о. ректоръ во время семинарскихъ безпорядковъ въ 1848 году. Въ это время Смоленскъ постигла холера, ежедневно уносившая десятки жертвъ. Въ виду эпидеміи, гимназистовъ отпустили по домамъ, а въ семинаріи занятія шли по прежнему. Заволновался семинаристъ: „что это такое? не умирать же намъ здѣсь? Не отпускаютъ насъ домой!“ Профессора, явившіеся въ классъ, были демонстративно изгнаны. На дворъ — бурное волненіе. Вдругъ среди бушующей толпы раздается спокойный голосъ о. ректора: „если вы не пойдете въ классъ, наверхъ, то и я не пойду!“ Нѣкоторые пошли наверхъ, въ залу. Здѣсь „первыя слова о. ректора къ семинаристамъ, рассказываетъ авторъ, были: „чего вы волнуетесь?“ Ученикъ богословія, больше всѣхъ волновавшій, по фамиліи Стефановъ, отвѣчалъ: „мы жалѣемъ нашихъ родителей. Гимназистовъ отпустили, отпустите и насъ“. Ректоръ: „развѣ вы не знаете, что безъ воли Божіей ничего не бываетъ?“ Но Стефановъ и присоединившіеся къ нему, — все ученики богословскаго класса и все лучшіе ученики, — не давали говорить о. ректору, настаивая на немедленномъ роспускѣ учениковъ по домамъ“. Ректоръ беретъ посохъ, стоявшій у порога и съ словами: „у кого еще надежда на Бога не погибла, пойдите въ церковь молиться Господу Богу“ идетъ

\*) Въ то время духовныхъ училищъ было: два въ Смоленскѣ, одно въ Вязьмѣ и одно въ Рославлѣ.

въ Авраміевскую церковь. Немногіе пошли за нимъ, а большинство кричало: „не ходить, не ходить въ церковь“! Въ церкви, почти пустой, ректоръ отслужилъ молебствіе о прекращеніи холеры, а затѣмъ обошелъ крестнымъ ходомъ семинарскія и сосѣднія зданія обывателей. На другой день семинаристы послѣ медицинскаго осмотра докторомъ Забѣлло, нашедшимъ всѣхъ здоровыми, были отпущены на родину. Бунтъ прекратился самъ собою. За время холеры умеръ одинъ только семинаристъ. Въ сентябрѣ, съ началомъ учебнаго года, зачинщики бунта получили отъ о. ректора достойное возмездіе.

*М. Дроздовъ.*

(Продолженіе будетъ).

---

## Смоленская духовная семинарія въ воспомина- ніяхъ ея питомцевъ.

(Окончаніе \*).

Сообщая свѣдѣнія о внутренней бытовой жизни семинаріи, Борисоглѣбскій, между прочимъ, говоритъ, что среди обыденной жизни на долю семинаристовъ, выпадали и развлеченія. Однимъ изъ главныхъ и веселыхъ развлеченій для нихъ служили майскія рекреаціи, сопровождавшіяся различными играми на свѣжемъ воздухѣ, за городскою стѣною..

Приходятъ, бывало, посторонніе зрители посмотриѣть, какъ гуляетъ духовная молодежь. Общее ликованіе и учениковъ семинаріи и училищъ. Надъ нами надсмотрщиковъ во время рекреаціи не было. Полная свобода!

Лишеніе рекреаціи за какую-нибудь провинность было для семинаристовъ величайшимъ горемъ.

Другимъ пріятнымъ развлеченіемъ для семинаристовъ служили публичныя экзамены. Къ нимъ лучшіе ученики изъ каждаго класса (по два или по три изъ каждаго предмета) начинали готовиться недѣли за полторы. Наканунѣ собранные въ окрестностяхъ Смоленска пахучіе цвѣты и травы разбрасывались по лѣстницѣ и доскамъ отъ воротъ до классовъ и на полу въ залѣ для „публики“. Въ день публичныхъ экзаменовъ, часовъ въ 10 утра, сопровождаемый колокольнымъ звономъ всѣхъ церковей Смоленска, пріѣзжалъ Преосвященный (Тимоѣй). Встрѣченный у семинарскихъ воротъ преподавательскою корпораціею съ ректоромъ во главѣ и толпою народа, Его Преосвященство шествовалъ въ залу собранія, гдѣ его уже ожидали высокопоставленные лица города. Послѣ громогласнаго пѣнія семинарскимъ хоромъ „Царю

---

\* ) См. № 23 и 1 Смол. Епарх. Вѣд.

небесный“, или „Днесь благодать Св. Духа нась собра“, — и „εις πολλῶ ἔτη δεσποτα“, всѣ присутствующіе, съ благословенія Преосвященнаго, усаживались, и начинался экзамень. „Выступалъ, рассказываетъ почтенный авторъ, лучший студентъ богословія (напр. Аркадій Пушновъ) и произносилъ Его Преосвященству рѣчь на латинскомъ языкѣ. Затѣмъ открывался „публичный экзамень“. Сначала по богословію отвѣчали, потомъ по философскимъ предметамъ, далѣе изъ словесности. Послѣ каждаго предмета пѣвчіе, присутствовавшіе въ залѣ, пѣли канты. Пѣніе было прекрасное. Предъ Его Преосвященствомъ отвѣчали избранные ученики; архипастырь съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ отвѣты. Экзамены публичныя въ семинаріи съ 10-ти продолжались до 2-хъ и 3-хъ часовъ. Въ заключеніе экзамена одинъ изъ лучшихъ студентовъ говорилъ Преосвященному рѣчь, въ которой просилъ владыку усугубить его вниманіе къ намъ. Преосвященный преподавалъ намъ благословеніе, говорилъ напутственное слово о важности пастырскаго долга, затѣмъ пѣвчіе пѣли „Достойно есть“, владыка еще разъ благословлялъ всѣхъ, и публичный экзамень оканчивался“.

Третьимъ развлеченіемъ семинарскимъ были театральныя представленія, пѣніе и музыка. Играли въ обыкновенной комнатѣ, изъ столовъ дѣлали что-то въ родѣ театра, зажигали побольше свѣчекъ. Присутствовалъ во время представленія и смотритель корпуса, профессоръ Иванъ Ивановичъ Знаменскій. Піесы выбирали незамысловатыя, а иногда семинаристы играли піесы и собственнаго изобрѣтенія. Самъ авторъ воспоминаній сочинилъ тоже какую-то трагедію „Разбойники“, которая имѣла, по его словамъ, небывалый успѣхъ среди семинарской публики. Любили семинаристы и пѣніе Любовь къ пѣнію, какъ извѣстно всегда была и есть наслѣдственной чертою нашихъ духовныхъ воспитанниковъ

Цѣли въ свободное время отъ занятій хоромъ и соло. Какъ на превосходнаго солиста ихъ времени, г. Борисоглѣбскій указываетъ на ученика богословія Уклонскаго. „И какіе бывало слушаешь переливы его голоса! Какое чувство высказывалось! Боже! гдѣ мнѣ услышать такіе звуки и такое пѣніе? Уклонскій въ городѣ имѣлъ много знакомыхъ; говорили, что онъ во многихъ домахъ города завлекалъ своимъ очаровательнымъ пѣніемъ“.

Были, затѣмъ, среди семинаристовъ замѣчательные гитаристы (напр. Витяговскій) и скрипачи (напр. Ждановъ, Байковъ).

Нельзя также не упомянуть еще объ одномъ благородномъ, нравственно освѣжающемъ развлеченіи семинаристовъ, это — литературныя чтенія. Между прочимъ „старога педагога“ особенно восхипало чтеніе Пушкина, оригинально придуманное семинаристомъ-богословомъ Теодоромъ Шклопинымъ.

Изъ воспоминаній Б—скаго мы видимъ, такимъ образомъ, что и въ семинаристахъ старой поры, на которыхъ по традиціи принято смотрѣть, какъ на существа забытыя, нравственно грубыя, еще ярко свѣтился „Прометеевъ огонь“. А между тѣмъ какъ легко было ему погаснуть при подавляющей тогдашней бѣдности! Столовая помѣщалась въ главномъ корпусѣ, куда семинаристы въ плохой одежкѣ и еще худшей обуви должны были собираться изъ разбросанныхъ семинарскихъ флигелей, не смотря на дождь, слякоть и морозъ. Сапоги и теплое платье рѣдко кто изъ семинаристовъ имѣлъ. Зимой носили валенки. Если и щеголяли семинаристы въ сапогахъ, то по большей части съ разорванными носками. Въ классномъ журналѣ считалась законною отмѣтка: „не былъ по неимѣнію сапогъ“. Многие семинаристы бросались родителями на абсолютный произволъ судьбы. Голодовка въ продолженіи нѣсколькихъ дней — обычное явленіе

въ жизни такихъ бѣдняковъ. Питались они нерѣдко по нѣсколько лѣтъ бурсацкими крохами, припрятанными для нихъ товарищами — казеннокоштными. Только по возвращеніи съ каникулъ (на святой, святкахъ и лѣтомъ) семинаристы нѣкоторое время сибаритствовали, привозя съ собою нѣкоторую провизию. „Великій для бурсаковъ былъ день — даже въ богословскомъ классѣ — рассказываетъ Б — скій, когда пришлютъ кому-нибудь изъ деревни картофелю въ теченіе учебнаго курса. Мы тогда варили картофель соборомъ; ѣли его соборомъ; убивали остатки тоже соборомъ. Гостинцы, присылаемые изъ деревни среди учебнаго года, всегда были предметомъ зависти товарищей. Оставаясь на святки въ семинаріи, мы покушали иногда гуся, жарили его сами въ обыкновенной печкѣ, какъ умѣли, и съѣдали. Въ богословскомъ классѣ мы разъ разжились самоваромъ и напустили дыму страсть какъ много. Но въ концѣ концовъ напились-таки чаю. И это считалось верхомъ удовольствія и счастья“.

*М. Дроздовъ.*

---